

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ: МЕТАФИЗИКА ЛЮБВИ

*Материалы Международной научной конференции,
г. Краков, Польша, 2–5 июня 2019 г.*

УДК 177.6(470)

ББК 87.525(2)

ЛЮБОВЬ И БРАК В «ОПРАВДАНИИ ДОБРА» В.С. СОЛОВЬЕВА**Б. МАРШАДЬЕ**

Париж, Франция

E-mail: b2marchadier@gmail.com

Представлен анализ концепции любви и брака В.С. Соловьёва, изложенной в его сочинениях «Смысл любви» (1892–1894 гг.), «Оправдание добра» (1897 г.), а также в стихотворениях и переписке. Отмечается, что любовь, узаконенная в рамках общества браком (церковным и гражданским), и ее плод – семья, являются положительными последствиями развития государственности. Анализируется обнаруживаемое В.С. Соловьёвым противоречие между половым актом, который не в силах восстановить утраченную человеком целостность, и стремлением к этой целостности, которой, однако, нет без целомудрия. Рассматривается попытка Соловьёва преодолеть это противоречие предположением о «внутреннем» (духовном?) деторождении, в отличие от «внешнего» деторождения. Отмечается, что в последние годы жизни философ освободился от этого духовного максимализма, что подтверждается в результате анализа его сочинения «Три разговора», один из персонажей которого – Князь – живет в духовном безбрачии и является предшественником антихриста.

Ключевые слова: *Любовь, брак, деторождение, грех, аскетический подвиг, закон, цивилизованный строй, половой инстинкт, «социальное животное»*

**LOVE AND MARRIAGE IN VL. SOLOVYEV 'S
«THE JUSTIFICATION OF GOOD»****B. MARCHADIER**

Paris, France

E-mail: b2marchadier@gmail.com

Vl. Solovyov wrote extensively about love in his romantic and mystical poetry, in his correspondence and in his memoirs. He composed a whole book about love («The Meaning of Love», 1892-1894). The present paper is about the theme of love in Solovyov's moral philosophy as expounded in his «Justification of the Good» (1897). Love in the framework of society is legitimised in marriage, both religious and civil. Solovyov sees in marriage and family a positive consequence of the development of statehood. The problem is that he considered for a long time that the sexual act is unable to restore the lost integrity of the human being. Only chastity can. To get out of the difficulty, Solovyov invokes an «inner» (spiritual?) procreation different from an «outer» procreation. But it does not make things clearer. It seems that, in the last year of his life, Solovyov abandoned that spiritual maximalism, as is proved a contrario by the character of the Prince in «Three Conversations», who is both a celibate spiritualist and a precursor of the Antichrist.

Key words: *Love, marriage, procreation, sin, asceticism, law, city, sexual urge, «social animal»*

DOI: 10.17588/ 2076-9210.2019.4.050–056

Как известно, у Владимира Соловьева был страстный и влюбчивый характер и вместе с этим глубокие мистические и аскетические стремления. Выдающаяся философская и поэтическая одаренность позволила ему совмещать и взаимно обогащать эти стороны своей личности в динамической философии человеческой любви.

Многое нам известно – главным образом через самого Соловьева – о его любовных романах. Самый известный источник – это его поэма «Три свидания» (1898 г.) и рассказ «На заре туманной юности» (1892 г.). В романтических переживаниях, выразившихся в этих сочинениях, преобладает мистическая струя (хотя, как всегда, когда речь идет о самом важном, переживания автора передаются слегка шуточным тоном). Девочка, в которую он влюбляется в девятилетнем возрасте, и молодая дама, с которой он целуется в поезде из Москвы в Харьков, вдруг преображаются перед его глазами и становятся тем, кем Беатриче была для Данте, – лучезарной фигурой и небесной красотой, постепенно исчезающей в мистическом сиянии:

Все видел я, и все одно лишь было –
Один лишь образ женской красоты [1, с. 123].

На протяжении всей жизни любовные увлечения были для Соловьева мистическими переживаниями, его любовные провалы – мистическими провалами.

Вместе с этим можно отметить строгие аскетические убеждения Соловьева. Как мы знаем, он не ел мяса (хотя без педантичности, так как был очень общительным человеком) и был бессребренником. В молодости он пишет семнадцатилетней кузине Ольге, к которой собирается ехать: «Я люблю тебя и рад, что ты любишь меня также. Но я знаю, и ты должна это знать, что вся жизнь, а следовательно, и цвет жизни – любовь, есть только призрак и обман» [2, с. 142]. Можно сказать: странное, озадачивающее любовное письмо...

Под влиянием гностических учений у Соловьева формируется дуалистическое понятие о жизни, где плоть равна злу. «Брак, – говорит он, – должен браковаться». Еще в 1882 г. (в 30 лет) он напишет в «Духовных основах жизни»: «Та воля, с которой мы рождаемся, воля нашей плоти, подчинена природе, а природа подчинена греху, господствующему в ней. ... Пока мы действуем только *от себя* или от своей воли, мы неизбежно действуем от греха, как рабы и невольники греха» [3, с. 324].

Но в конце концов дуализм останется чуждым зрелому Соловьеву – и в этом смысле он был ортодоксальным христианином. Как он не один раз говорил, ангелы – чистые духи, но чистыми духами являются и демоны, которые не едят, не пьют, не спят и пребывают в безбрачии. А человек выше ангелов в том смысле, что он призван одухотворить, преобразить плоть мира. Жизнь и красо-

та рождаются из темных, тяжеловесных начал. Они «темного хаоса светлая дочь».

Какие бы низкие, плотские элементы не явились в человеке, они могут служить движению вперед, к высшим целям, как вода, гретая углем и превратившаяся в пар, движет паровоз (прекрасный рассказ «Два потока» в «Воскресных письмах» (1897–1898 гг.)).¹ «Ложная духовность, – пишет Соловьев в «Смысле любви», – есть отрицание плоти, истинная духовность есть ее пере-рождение, спасение, воскресение» [4, с. 40].

Владимир Соловьев был глубоко нравственный человек. Он видел в чувстве стыда основу нравственности, и даже определял человека как «животное стыдящееся». Он воспитывался в порядочной, многодетной профессорской семье. Тут немаловажно подчеркнуть, что, несмотря на то, что Соловьев был большим чудачком, он был хорошо воспитан. В отличие, например, от Достоевского, который постоянно обижался и ссорился. Как во многих буржуазных семьях в старой России, у Соловьевых преобладали патриархальные нравы, и неудивительно, что он считал отцовство, образ отца и предков, источниками религиозного чувства.

Как пишет Соловьев, «не в виде фетишей и рукодельных идолов, а также не в виде величественных или грозных явлений природы, а в живом образе *родителей* впервые воплощается для младенствующего человека идея Божества»².

Брак, то есть любовь в рамках Града, любовь как общественный статус, любовь, узаконенная государством (которое в «Оправдании добра» определяется как «организованная жалость»), является хорошим в том смысле, что семья основана на нем. Ведь семья – начальная ячейка вселенского братства. Человек, являясь, по Аристотелю, «политическим животным», не может полностью развиваться кроме как в рамках общества и повинуюсь его правилам и законам.

«Общество, – пишет Соловьев, – не есть внешний предел личности, а её внутреннее восполнение»³. Он, кроме того, считает – и это очень интересно, – что без государственного строя не было бы семьи: «...государственный порядок превращает род в семью. В самом деле, до образования государства семейной жизни, строго говоря, не существует. Та элементарная группа связанных более или менее близким кровным родством людей, которая образует общественную организацию в те времена, совсем не похожа на настоящую семью в весьма существенном отношении. Отличительный признак семьи есть то, что она представляет форму жизни частной, приватной, в противоположность публичной: “публичная семья” есть противоречие в терминах. Но это различие между публичным и частным могло возникнуть только с образованием и развитием государственности...» [5, с. 239].

¹ См.: Соловьев В.С. Воскресные письма. XV. Два потока // Соловьев В.С. Собр. соч. Т. 10. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 3–80 [5].

² См.: Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Собр. соч. Т. 8. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 109 [6].

³ Там же. С. 230.

Однако, что касается самого брака, трудность состоит в том, что половой акт не в силах восстановить утраченную грехом целостность. Соловьев пишет: «Человек лишен *целости* своего существа и своей жизни, и в истинной *целомудренной* любви к другому полу он стремится, надеется, мечтает восстановить эту *целость*. Такие стремления, надежды и мечты разрушаются тем актом минутного, внешнего и призрачного соединения, которым природа, заглушая стыд, подменивает желанную целость» [5, с. 173]. Иными словами, нет *целости* без *целомудрия* (курсив наш. – Б.М.).

Следует ли отсюда, что идеальным браком был бы брак без брачного сожителства, *matrimonium non consummatum*, т.е. противоречие в терминах? Ведь *matrimonium non consummatum* – *matrimonium nullum*.

Не совсем. Как отмечает Соловьев, «брак остается удовлетворением половой потребности, только сама эта потребность относится уже не к внешней природе животного организма, а к природе очеловеченной и ждущей обожествления. Выступает огромная *задача*, разрешаемая только постоянным *подвигом*, который в борьбе с враждебной действительностью может победить лишь, пройдя через *мученичество*» [5, с. 455].

Таким образом, по Соловьеву, брак имеет теургическую функцию преобразования и обожествления супругов через подвиг и страдание, которые как бы этим искупают удовлетворение половой потребности. Соловьев не раз упоминает о венцах, которые держат над головами будущих супругов во время чина венчания, – это венцы мучеников⁴.

Далее читаем: «Само собой понятно, что в *совершенном* браке, в котором до конца осуществляется внутренняя полнота человеческого существа через всецелое его соединение с одухотворенною материальною сущностью, внешнее деторождение делается и ненужным, и невозможным...» [5, с. 455].

Эту мысль Соловьев продолжает в том же самом ключе: пока брак только сознательно *направляется* к совершенному соединению мужчины и женщины, к созданию цельного человека, пока он еще не осуществил в себе идею, как реальную полноту, не освободился от двойственности между ей и материальной эмпирической действительностью, ей противоположной, «до тех пор *внешнее физическое деторождение* является и как естественное последствие недостигнутого в настоящем совершенства, и как необходимый путь для его будущего достижения» [5, с. 456].

То есть, если попытаться вникнуть в смысл этих не совсем ясных соображений, «внешнее физическое деторождение» (то есть нормальное, плотское деторождение) есть в наилучшем случае лишь этап к совершенству, и этот этап должен быть преодолен. Подобный путь преодоления «внешнего деторождения» и, следовательно, воздержания от полового сожителства выбрали такие пары, как Валентина и Алексей Лосевы, Лидия и Николай Бердяевы, Жак и Раиса (которая была русская) Маритэны. Но можно ли говорить в их случаях о «внутрен-

⁴ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. С. 455. Примечание 171.

нем» деторождении? Скорее всего, «внутреннее» здесь значит «духовное». Но какое это «деторождение», Соловьев не объясняет читателю.

Куда эти соображения Соловьева могут нас вести? Не слишком ли далеко? Неужели к каким-то видам фетишизма или к попыткам кощунственного подражания девственному зачатю в семействе девы Марии и Иосифа? Как это объяснять? Может быть стыдом перед тем, что произошло в поезде «на заре туманной юности», или воспоминаниями о других романах? Как бы то не было, Соловьев тут явно увлекается и читателя озадачивает.

Но, как Соловьев писал ранее, Высшая Премудрость может, по обычаю своему, извлечь из зла большее добро, и она умеет «пользоваться нашими плотскими грехами для усовершенствования человечества посредством новых поколений, и это, конечно, служит к её славе, а нашему утешению, но не оправданию»⁵. В упоминавшемся ранее рассказе «Два потока» он идет дальше и размышляет следующим образом: «Если бы во мне вовсе не было злой страсти, как скрытой силы, как потенциальной энергии, то я был бы бесстрастен, как труп, который так легко разлагается, как бревно, которое ничего не стоит уничтожить, как куча песку, которую развеет первый ветер» [6, с. 49]. Резюмируя, можно, пожалуй, сказать, что семья есть для автора «Оправдания добра» относительное благо, утешающее человека, и брак, который делает семью возможной, есть упражнение в воздержании, подвиг.

Начиная с 1898 г., то есть спустя год после публикации «Оправдания добра», происходит перелом в жизни Соловьева. Он переживает острый внутренний кризис, он как бы вникает в природу зла. У него есть видения чертей, он чувствует, что все его усилия и труды по теократии, по соединению церковью были тщетными. *Roma* перестает быть для него анаграммой *Amor*. Он совсем разочаровывается в России, в Европе, в женщинах, которых он так страстно и безуспешно любил, он горько смеется над собой и уже видит Вечную Женственность не в лице возлюбленной женщины, а в таинственной красоте финского озера, о котором пишет три прекрасных и трогательных стихотворения⁶.

Говоря о подавленном состоянии Соловьева того времени, Лев Шестов пишет в своей статье «Умозрение и апокалипсис» (1927–1928 гг.): «В последние дни своей жизни Соловьев отвернулся от умозрительной истины и умозрительного добра, словно почуяв, что не “мышлением”, а громами добывается вечная и последняя правда» [7, с. 91]. В этом суждении есть много верного, ибо правда, что Соловьев от чего-то важного отвернулся, что он стал говорить совсем иным тоном, но, на наш взгляд, «громы» тут играли не самую важную роль. «Громы», конечно, были, но не им принадлежит последнее слово.

Шестов имел в виду последний труд Соловьева «Три разговора», особенно его часть «Краткую повесть об антихристе». Но если брать всю книгу,

⁵ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра. С. 79–80.

⁶ Речь идет о стихотворениях В.С. Соловьева «Сайма», «На Сайме зимой» (1894 г.), «Июньская ночь на Сайме» (1896 г.).

включая «Воскресные Письма», которые изначально публиковались в одном томе с «Тремя разговорами», общий тон ее спокойный, и, если «громы» действительно есть в «Краткой повести», не они составляют суть дела.

В «Трех разговорах» много места отводится соображениям Генерала, Политика и Дамы, которые без «громов» представляют относительные истины прошлого и настоящего насчет государства, войны, семьи, хорошего поведения и бонтона, то есть насчет всех тех элементов, которые содействуют хорошему и мирному сосуществованию людей. И тут очень интересно отметить, что Князь – лицо, которое является предшественником антихриста или, по крайней мере, которое работает в его пользу, отвергает все эти относительные блага: и государство, и суды, и брак, и вежливость, и культуру, и правильное название вещей. Он отличается серостью ума и спутанностью мыслей. Не зря Политик считает, имея Князя в виду, что можно отнести к «антихристам» всех этих новых постников и безбрачников, «что открыли добродетель и совесть, как Америку какую-то, и при этом потеряли внутреннюю правдивость и здравый смысл»⁷.

Как пишет Соловьев в предисловии к «Трем разговорам», «высшая безусловная истина не исключает и не отрицает предварительных условий своего проявления, а оправдывает, осмысливает и освящает их» [8, с. 87]. И, со своей стороны, предварительные условные истины, излагаемые Генералом, Политиком и Дамой, подготавливают почву для высших идей, излагаемых Господином Z. То же самое можно сказать о лицах, которые сопротивляются антихристу и разоблачают его в конце книги: так же, как Генерал, Дама и Политик, старец Иоанн, папа римский Петр и профессор Паули не сверхлюди, а законные («законность» – ключевой критерий у Политика) представители своих церквей, и, что очень важно, они конкретные люди: папа – типичный итальянец, отец Иоанн – типичный русский монах, Эрнст Паули – типичный Herr Professor. Этим они отличаются от антихриста, который – без имени, без звания и без национальности.

В отличие от мнения Шестова, «громов», на наш взгляд, скорее меньше в конце жизни Соловьева, который ушел от максимализмов, от «всеединства», от абсолютной любви, от «сизигии», от отрицания «внешнего деторождения», чтобы нам сказать в блестящем и остроумном рассказе, который местами звучит как роман Честертона, что зло не столько в тяжести плоти, сколько в фальсификации идеи добра, что оно обличается и преодолевается ясностью ума и сердца, любовью ко Христу, скромным мужеством и классическими, всем известными добродетелями, то есть добром, которое уже не требует оправдания.

---

⁷ См.: Соловьев В.С. Три разговора // Соловьев В.С. Воскресные письма. XV. Два потока // Соловьев В.С. Собр. соч. Т. 10. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 163 [8].

Список литературы

1. Соловьёв В.С. Три свидания // Соловьёв Вл. «Неподвижно лишь солнце любви...»: Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М.: Московский рабочий, 1990. С. 118–123.
2. Соловьёв В.С. На заре туманной юности... // Соловьёв Вл. «Неподвижно лишь солнце любви...»: Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М.: Московский рабочий, 1990. С. 140–155.
3. Соловьёв В.С. Духовные основы жизни // Соловьёв В.С. Собр. соч. Т. 3. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 299–421.
4. Соловьёв В.С. Смысл любви // Соловьёв В.С. Собр. соч. Т. 7. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 3–60.
5. Соловьёв В.С. Воскресные письма. XV. Два потока // Соловьёв В.С. Собр. соч. Т. 10. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 3–80.
6. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьёв В.С. Собр. соч. Т. 8. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 3–516.
7. Шестов Л. Умозрение и Апокалипсис. Религиозная философия Вл. Соловьёва // Шестов Л. Умозрение и откровение. Париж: YMCA-Press, 1964. С. 25–91.
8. Соловьёв В.С. Три разговора // Соловьёв В.С. Воскресные письма. XV. Два потока // Соловьёв В.С. Собр. соч. Т. 10. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 81–221.

References

1. Solov'ev, V.S. Tri svidaniya [Three dates], in Solov'ev, Vl. «*Nepodvizhno lish' solntse lyubvi...*»: *Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov* [«Only the sun of love is motionless ...»]: Poems. Prose. Letters. Memoirs of Contemporaries]. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1990, pp. 118–123.
2. Solov'ev, V.S. Na zare tumannoy yunosti... [At the dawn of shadowy youth ...], in Solov'ev, Vl. «*Nepodvizhno lish' solntse lyubvi...*»: *Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov* [«Only the sun of love is motionless ...»]: Poems. Prose. Letters. Memoirs of Contemporaries]. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1990, pp. 140–155.
3. Solov'ev, V.S. Dukhovnye osnovy zhizni [Spiritual Foundations of Life], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy. T. 3* [Collected works]. Bryussel': Zhizn' s Bogom, 1966, pp. 299–421.
4. Solov'ev, V.S. Smysl lyubvi [Sense of love], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy. T. 7* [Collected works]. Bryussel': Zhizn' s Bogom, 1966, pp. 3–60.
5. Solov'ev, V.S. Voskresnye pis'ma. XV. Dva potoka [Sunday letters. XV. Two streams], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy. T. 10* [Collected works]. Bryussel': Zhizn' s Bogom, 1966, pp. 3–80.
6. Solov'ev, V.S. Opravdanie dobra. Nrvstvennaya filosofiya [Justification of the good. Moral philosophy], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy. T. 8* [Collected works]. Bryussel': Zhizn' s Bogom, 1966, pp. 3–516.
7. Shestov, L. Umozrenie i Apokalipsis. Religioznaya filosofiya Vl. Solov'eva [Speculation and the Apocalypse. Religious Philosophy by Solovyov], in Shestov, L. *Umozrenie i otkrovenie* [Speculation and revelation]. Parizh, YMCA-Press, 1964, pp. 25–91.
8. Solov'ev, V.S. Tri razgovora. Voskresnye pis'ma. XV. Dva potoka [Sunday letters. XV Two streams], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy. T. 10* [Collected works]. Bryussel': Zhizn' s Bogom, 1966, pp. 81–221.